

Т. В. Краева

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Образ русской революции в воспоминаниях В. Сержа

Исследование мемуаров в отечественной науке выдвигает на первый план *проблему достоверности* данного источника. Глубокое личностное начало, чрезвычайная субъективность рассматриваются иногда не только как особое свойство мемуаров, но зачастую даже как их недостаток. Так, А.Г. Тартаковский отмечал, что в ряде работ субъективность «квалифицируется как заведомый “недостаток”, который непременно надо “снять”, преодолеть, нейтрализовать, на этом основании мемуары понижаются в ранг источников “второстепенных”, дополнительных, и в результате богатство их информационных возможностей не принимается во внимание»¹. Стремление мемуариста передать события реальной действительности в любом случае происходит сквозь призму авторского начала, в связи с чем в мемуарах неминуемо возникает элемент вымышленного, основанный на личностных психологических установках, воображении автора. Попытки рассмотреть мемуары не только с точки зрения получения достоверной фактической информации о событиях прошлого, но и выявления *восприятий и ощущений участника события*, попытка реконструкции прошлого таким, каким оно выглядело в представлениях современников, достаточно плодотворны в современной отечественной науке, однако предпринимаются они, как правило, специалистами в области филологии, культурологии и психологии. Тем не менее в последнее десятилетие XX в. в исторической науке утверждается новый подход к событиям прошлого (*история представлений*), который выделяет в числе факторов, влияющих на исторические события, систему коллективных представлений, верования, восприятие окружающей действительности. В этом смысле именно мемуары с их ярко выраженной личностной и психологической окраской являются, в отличие от традиционных подходов, наиболее ценным и достоверным источником по истории представлений.

Сам термин «представления» не является новшеством, его употребление восходит к работам М. Мосса и Э. Дюркгейма начала XX в., однако его введение в систематический оборот пришлось на последнее десяти-

тилетие XX в. Наибольший вклад в развитие данного метода внесли историки французской школы «Анналов»: Р. Шартье, Ж. Делюмо, Ф. Арьес, М. Вовель и др. В отечественной науке особую важность системы представлений отмечал М.М. Бахтин, анализируя творчество Достоевского: «Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир»². В основе метода лежит анализ восприятий, ощущений, учет в процессе исследования умонастроения людей, особенностей психологии. В качестве центрального выступает понятие «образа». Профессор современной истории парижского Института политических исследований Ж.-Ф. Сириnellli справедливо замечает: «Реальность, восстановленная историком, ни в коем случае никогда не воспринималась современниками в своей кристальной чистоте, она была для них представлением»³. Исследование системы представлений позволяет выявить не только исторические проявления духовности, человеческого разума, но также прикоснуться к восприятиям, более скрытым, сфере более тонких ощущений. Кроме того, немаловажен и другой аспект: система представлений непосредственно влияет на поведение людей, определяет их практические шаги. По мнению историка школы «Анналов» Алена Корбэна, «...система представлений не только определяет систему оценок, она предопределяет особенности мировоззрения, отношение к обществу и к самому себе... Именно она в конечном счете направляет практические действия»⁴. Сегодня, когда, по словам французского исследователя Пьера Нора, наступила эпоха «всемирного пришествия памяти», характеризующаяся тем, что «поднялась целая волна интереса к истории, повсеместно связывающая верность прошлому – реальную или вымышленную – с коллективным и индивидуальным сознанием, памятью и идентичностью»⁵, исследование с помощью методологии истории представлений имеет особое значение. П. Нора подчеркивает, что раньше существовала «коллективная история» и «индивидуальная память», при этом «история отсеивала все, что казалось индивидуальным, психологическим, обманчивым, – это были свидетельства памяти, в отличие от истории»⁶. Сегодня, напротив, в связи с демократизацией общественной жизни, все большее значение приобретают свидетельства «индивидуальной памяти», примером чему является активная публикация в последнее время подобных материалов.

Среди этих групп источников в ходе исследования с точки зрения методологии истории представлений наибольшее значение имеют документы личного происхождения, и прежде всего мемуары. Воспоминания, как никакой другой источник, несут в себе отпечаток личности автора, его психологические, ментальные установки. Скрытие или искажение информации автором – это отражение мира представлений в соответствии с ментально-психологическими особенностями, типом сознания, которые заставляют видеть описываемые события именно так, а не иначе. В этом

смысле мы не всегда можем упрекнуть мемуариста в недостаточной правдивости, поскольку в его представлениях то или иное событие приобретает специфическую окраску. Анализ мемуаров с точки зрения методологии истории представлений позволяет не только реконструировать прошлое, но и выявить образ события, сложившийся в представлениях автора. Ярким примером в этом смысле выступает образ русской революции (при этом следует согласиться с мнением М.Ферро о том, что русская революция понималась европейскими левыми в широком смысле и хронологически охватывала в их понимании 1917 – 1925 гг.⁷) в представлении европейского левого интеллектуала – В. Сержа, побывавшего в революционной России.

Виктор Серж, активист европейского левого движения, прошел трудный путь от французского анархизма к испанскому синдикализму и русскому коммунизму. По словам американского исследователя Ричарда Гримана, «Серж был участником и свидетелем ключевых событий мировой революционной истории XX века. Трагедия французских “анархистских бандитов” в начале столетия, синдикалистское восстание в Барселоне в 1917 г., Гражданская война в России (он вступил в большевистскую партию в 1919 г., во время обороны Петрограда), потерпевшая неудачу революция 1923 г. в Германии, борьба левой оппозиции против сталинизма (в 1928 г. его исключили из ВКП(б)), сопротивление фашизму и сталинизму в Испании в 30-е гг., нацистская оккупация Франции и исход беженцев-революционеров в Мексику (где сталинские агенты продолжали преследовать его вплоть до самой его смерти в 1947 г.) – всё это прошло перед глазами Сержа», – пишет Р. Гриман⁸, и нашло отражение в его мемуарах «От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера» (1943)

Изучение мемуаров В.Сержа и многих других европейских «левых» показывает, что, прибывая в Россию, они переносили на реальные события российской действительности задолго сложившийся в ходе длительной борьбы на Западе образ революции, при этом понятие революции в их представлениях было тождественно понятию свободы. Первоначально, когда представители европейского левого движения еще не могли наблюдать русскую революцию своими собственными глазами, их образ революции был неотделим от идеи свободы. Весь предшествующий опыт революционных событий в разных странах открывал перед ними картину борьбы мнений, бурления в массах, свободы, состязательности, поэтому в их восприятии понятия «революция» и «свобода» существовали в неразрывном единстве. В своих воспоминаниях В. Серж писал: «Мы ждали, что будем дышать в Петрограде воздухом свободы, без сомнения суровой и даже жестокой к своим врагам, но широкой и бодрящей»⁹.

Анализ мемуаров позволяет выявить, что с советскими преобразованиями деятель европейского революционного движения связывал надежды на переустройство мира на справедливых началах, и этому способствовали идеи о советском федерализме, государстве-коммуне, интернационалистская и либертарная направленность революции. По его мнению, русская революция создавала возможность реализации принципов свободы, равенства и братства, традиционных для европейского левого мышления.

Следовательно, характерной чертой системы представлений французского попутчика большевизма выступало неразрывное единство таких понятий, как Революция и Свобода. Причем определяющую роль в этой системе играла именно категория свободы. Революционной ментальности и системе представлений европейских левых соответствовала первоначальная обстановка в Коминтерне. На наш взгляд, следует согласиться с мнением английского исследователя К. Макдермотта о том, что «ленинский Коминтерн демонстрировал и определенную степень плюрализма, готовность к открытой дискуссии»¹⁰. Именно возможность дискуссий, свобода мнения, атмосфера товарищества была близка либертарно настроенным попутчикам большевизма.

Кроме того, революционной ментальности соответствовала обстановка товарищества, активной деятельности, когда каждый работник выполняет множество функции на благо революции, революционный романтизм.

Важно отметить сложившийся у В. Сержа образ большевика как единственного представителя из всех политических сил того времени, проявившего смелость и не боявшегося ответственности за свои начинания.

Таким образом, В. Серж, прибывая в революционную Россию, перенес ранее сложившийся образ революции, неразрывно связанный с понятием свободы, на советскую реальность, при этом нужно отметить, что он сознавал ошибки большевиков, надеясь, однако, что «противопоставить их ошибкам свободу духа и дух свободы можно, лишь находясь среди них»¹¹.

Решительное столкновение образа русской революции в сознании В. Сержа и советской реальности следует отнести к 1920 – 1921 гг. Намечившийся разрыв между образом революции и советской реальностью продемонстрировали II конгресс Коминтерна, состоявшийся летом 1920 г., и подавление Кронштадтского мятежа 1921 г. Отсутствие возможности дискуссий, ложь официальной пропаганды, кровавое подавление мятежа были не просто неприемлемы для Сержа, несмотря на его партийную принадлежность и по духу остававшегося анархистом, но обнаружили несоответствие его представлений о революции, тождественной понятию свободы, и советской действительности.

К этому же периоду относятся первые разочарования и в социальной сфере нового режима. Мемуары все чаще отражают ощущение французским революционером неоднородности советского общества, огромной разницы между верхами и низами, появления новых привилегированных классов.

С середины 1920-х гг. начинается новый этап, когда в системе представлений В. Сержа наметилась принципиальная перестройка. На смену центральному понятию «свобода» приходит понятие «справедливость». Отрицая возможность своей борьбы в буржуазном государстве, он начинает воспринимать все происходящее в Советской России как не вполне удачную, но все же альтернативу развитию буржуазного мира. Виктор Серж отмечает: «Наша советская нищета, наша уравниловка (со смехотворными привилегиями руководителей), наша пламенная созидаящая воля, наше бескорыстие контрастировали с жестоким принципом спекуляции “каждый за себя”, вызывающей и глупой роскошью богачей, постыдной бедностью народных масс и побуждали прощать революции её прямолинейную суровость, её ошибки. Разлагающий буржуазный мир укреплял нашу веру»¹². Подобную трансформацию мировоззрения большинства интеллигенции, которое в дореволюционный период «жило одной верой, имело один смысл жизни; эту веру лучше всего определить как веру в революцию»¹³, довольно четко определил русский философ С.Л. Франк как «крушение революционного кумира».

Подход с точки зрения методологии истории представлений позволяет также объяснить уход В. Сержа в дальнейшем в ряды оппозиции, поскольку расхождение в их представлениях образа революции, не отделимого от категории свободы и реальности, стало очевидным и определило практические шаги революционера.

Подводя итог, можно заключить следующее: мемуары являются наиболее значимым и достоверным источником по истории представлений. Именно такое их свойство, как субъективность, определяет важность этого источника при использовании данного методологического подхода. Анализ мемуаров В. Сержа с точки зрения истории представлений способствовал выявлению образа русской революции, его трансформации, восприятия политических сил того времени европейским левым интеллектуалом, а также вскрыл проблему революционной ментальности. Следует также отметить, что одной из наиболее важных задач на сегодняшний день, связанных с изучением мемуаров, является их выявление и систематический сбор в архивах.

¹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С.32.

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 63.

-
- ³ *Sirinelli J.-F.* L'histoire politique et culturelle // L'histoire aujourd' hui. P., 1999. P. 161.
- ⁴ Цит по: *L'histoire aujourd' hui*. P., 1999. P. 45–46.
- ⁵ Цит по: *Мордвинцева Л.П.* Идея «всемирного пришествия памяти» Пьера Нора // *Философия*: Реф. журн. 2003. № 3. С. 155.
- ⁶ Цит по: Там же. С. 158.
- ⁷ *Ferro M.* Les conclusions de l'empire russe // L'histoire aujourd' hui. P., 1999. P. 91.
- ⁸ *Гриман Р.* [Предисловие] // *Серж В.* Завоеванный город. М., 2002. С. 4.
- ⁹ *Серж В.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001. С. 87.
- ¹⁰ *Макдермотт К., Агню Дж.* Коминтерн: История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 31.
- ¹¹ *Серж В.* От революции к тоталитаризму... С. 95.
- ¹² Там же. С. 196.
- ¹³ *Франк С.Л.* Крушение кумиров // *Сочинения*. Минск; М., 2000. С. 150.